

УДК 338.43.021.8(470; 510)

Опыт и результаты аграрных реформ в Китае и России

И. БУЗДАЛОВ, академик РАН, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова

Россия, Китай, аграрная политика, аграрная реформа, аграрный протекционизм, продовольственная безопасность, государственная поддержка, земельные отношения, китайское «экономическое чудо», «особый российский путь», аграрное законодательство, использование зарубежного опыта в России

Russia, China, agrarian policy, agrarian protectionism, food security, state support, land relations, Chinese 'economic miracle', 'special Russian way', agrarian legislation, using foreign experience in Russia.

В 1978 г. власти Китая начали рыночные реформы вопреки рекомендациям Запада с аграрного сектора, исходя из роли сельского хозяйства как «основы экономики» (Дэн Сяопин, 1997), и лишь спустя пять лет распространили реформы на другие отрасли и сферы экономики. Этому предшествовала экспериментальная проверка основных положений и принципов реформы на провинциальном и районном уровнях, начиная с крестьянского двора, отдельного предприятия, с последующим поэтапным расширением положительного опыта, исключавшего шоковые меры, большие и малые «скачки». На первом этапе реформы в рамках предложенной ее идеологом Дэн Сяопином общей концепции эволюционного и системного осуществления ставилась задача к концу 80-х годов XX в. в два раза повысить уровень обеспечения населения продовольствием, одеждой, другими потребительскими товарами отечественного производства и в связи с этим активизировать общий экономический рост. С этой задачей Китай успешно справился. Задача второго этапа — увеличить к концу XX в. валовой внутренний продукт в четыре раза — была выполнена в 1995 г. На следующем этапе, согласно плану развития страны на 1995—2000 гг., предусматривались увеличение по сравнению с 1980 г. ВВП на душу населения в четыре раза, ликвидация сельской бедности, сокращение безработицы и завершение начальной стадии становления развитой системы рыночных отношений. Эти задачи также были успешно выполнены.

Если до реформы по объему ВВП на душу населения страна занимала 125—130 место в мире, подавляющая часть китайцев голодала, а состояние продовольственной и общей национальной безопасности государства оставалось угрожающим, поскольку село не получало необходимой поддержки при общих скудных инвестициях в экономику, то в результате преобразований социально-экономическое

положение в стране, и особенно в сельском хозяйстве, кардинально изменилось. За годы реформ государственные средства на сельское развитие увеличились в 30 раз. В целом Китай вкладывает в экономику капитала больше, чем США и Россия вместе взятые, а, по расчетам, к 2016 г. этот показатель превысит соответствующие вложения США в 4 раза. Перемены настолько масштабны, что они с полным основанием оцениваются в мире как «экономическое чудо» [7].

Взвешенная, дальновидная политика социально-экономических преобразований внутри страны дополнялась аналогичными подходами к внешней политике. Китайское руководство могло бы, например, предпринять акции, направленные на присоединение Тайваня, обременив себя дополнительными расходами, при этом подвергнуться изоляции, санкциям на мировой арене и т.д. Однако, исходя из концепции Дэн Сяопина «одно государство — два строя», Китай осуществляет последовательные меры по сближению и сотрудничеству двух стран с перспективой их объединения в той или иной форме (в частности, предоставления Тайваню широкой автономии в рамках компромиссного варианта 1992 г. «единый Китай» и создания единого экономического пространства, охватывающего КНР, Сянган, Аомынь и Тайвань, с унифицированными рыночными, то есть «капиталистическими», принципами отношений, хотя, по традиции считается, что в КНР строится социализм).

Начало демонтажу административно-командного экономического устройства в стране положила ликвидация «народных коммун» в деревне с их казарменными условиями. Последовательно осуществлялся переход к системе «семейного подряда и производственной ответственности» с распространением этой ответственности на другие хозяйственные звенья и структуры экономики. В деревне в первую очередь решался главный вопрос аграрной реформы — земельный. Совместно-ничейная земля коммун на правах аренды передавалась крестьянским домохозяйствам, которые, получив самостоятельность, могли арендовать земельные участки у соседей, нанимать работников, создавать подсобные производства, осуществлять грузовые перевозки и т.д., то есть переходить к рыночным методам хозяйствования.

В целом система социально-экономических, эволюционных преобразований в деревне, а затем в народном хозяйстве предусматривала:

переход к полной хозяйственной самостоятельности сельских домохозяйств и других первичных производственных звеньев экономики;

замену директивного планирования на «целенаправленное» индикативное с использованием договорных отношений и переходом

к свободной купле-продаже на рынке, как потребительских товаров, так и средств производства;

определение цен на основе спроса и предложения с использованием дополнительных мер ценовой и иных форм бюджетной поддержки сельского хозяйства на основе активной протекционистской аграрной политики;

поощрение конкуренции на внутреннем и внешнем рынках при последовательном использовании эффективных антимонопольных мер;

формирование фондового, информационного, научно-технического рынков, а также рынка рабочей силы;

государственное регулирование процесса приватизации с умеренным сокращением доли общественной (государственной) собственности;

приоритет «единоличной», семейной формы крестьянского хозяйства, развитие на ее базе сельскохозяйственной кооперации.

По закону 1992 г. в деревне, как и в городе, могли создаваться так называемые «народные предприятия», своего рода закрытые акционерные общества. Но их роль в аграрной структуре Китая незначительна. Ныне 97% самостоятельных семейных домохозяйств составляют основную, близкую по своей сущности к фермерскому хозяйству организационно-правовую форму. Хотя домохозяйства пользуются арендованными земельными участками с правом самостоятельного ведения хозяйства на них, многие, особенно более инициативные, «культурные» земледельцы предпочитают иметь эти участки в частной собственности. Кстати, аренда земли многими в Китае рассматривается как переходное состояние к последовательно рыночной системе с частным землевладением.

Следует отметить важную с точки зрения повышения производственной ответственности и в то же время экономических стимулов семейных домохозяйств в деревне особенность: отмену с 2006 г. всех комиссий и сборов по договорам землепользования, а также земельного налога. По сути, семейные домохозяйства, эти китайские фермеры пользуются землей бесплатно, неся ответственность за целевое, «культурное» использование предоставленных им земельных участков. Как самостоятельные экономически обособленные хозяйственные звенья, они сами определяют методы и технологию производства, направления его развития и отраслевую структуру, свободно распоряжаются полученной продукцией и доходами и, что особенно важно для устойчивого роста, имеют гарантированный сбыт товарной части продукции по договорным залоговым ценам, устанавливаемым в рамках госрегулирования по схеме «договор-заказ». Все это в корне изменило отношение крестьян к земле, резко активизировало стимулы всей хозяйственной деятельности.

В первое десятилетие реформ (1978—1988 гг.) была широко задействована система производственной ответственности в экономике, осуществлена децентрализация государственной фискальной системы, ослаблялся контроль цен, поощрялось развитие частного сектора. Среднегодовой показатель роста ВВП страны составил 10%, в том числе его аграрной доли 12%. Среднедушевые доходы городского и сельского населения в сопоставимых ценах возросли в 1,8 и 2,8 раза. Доля бедняков на селе уменьшилась на 60%, стремительно менялся социально-экономический климат сельской местности. С переходом к регулированию на основе договорных отношений, обеспечившему широкую хозяйственную самостоятельность товаропроизводителей, стали создаваться специализированные домохозяйства с высоким уровнем товарности, формироваться специализированные деревни, ставшие плацдармом развития рыночных отношений [6].

В процессе развития и повышения доходности домохозяйств увеличивалась государственная поддержка сельского хозяйства. В эти годы ее размер в расчете на 1 га посевной площади увеличился в 6—8 раз. Все это обеспечило огромный вклад отрасли в общее социально-экономическое развитие, существенно изменило роль и место страны в мировой экономике. Уже к концу 80-х годов XX в. по общему объему сельскохозяйственной продукции Китай вышел на восьмое место в мире, а по производству зерна и хлопка — на первое, мяса — на второе. Сбор зерна увеличился в 1,4 раза, хлопка-волокна — в 1,6, мяса — почти в 2 раза, а общий объем сельскохозяйственной продукции возрос в 1,6 раза. (Для сравнения: за первые годы аграрных реформ в России этот объем упал на 40%). Причем приведенные показатели были достигнуты на той же посевной площади (немногим более 150 млн га), а значит, на основе интенсификации производства. При активной бюджетной поддержке государства произошла существенная модернизация материально-технической базы сельского хозяйства, возросли поставки минеральных удобрений, по производству которых страна вышла на третье место в мире.

В последующий период аграрный сектор Китая развивался по траектории устойчивого роста и социально-экономического прогресса. По данным за 2004 г., валовой сбор зерна составил 530 млн т против примерно 320 млн т в 1980 г., что достигнуто за счет повышения урожайности, приблизившейся к 60 ц/га, хлопка — 6,4 млн т (против 2,7 млн т), производство мяса — 45,6 млн т (против 11,8 млн т) и т.д. Ныне Китай, обеспечив по сравнению с 1978 г. рост потребления основных продуктов питания в расчете на душу населения в 2—3 раза и более (по растительному маслу — в 4,3 раза, ягодам и фруктам — в 12 раз и т.д.), экспортирует продукцию сельско-

го хозяйства, в том числе в Россию, на сумму свыше 70 млрд долл. в год [7].

Правда, и Россия в последнее время начала экспортировать часть сельхозпродукции, прежде всего зерна, на общую сумму до 15 млрд долл. Но, во-первых, продовольственный импорт в страну по сравнению с началом реформ возрос в 4,5 раза, достигнув в 2013 г. 43,1 млрд долл., во-вторых, зерновой экспорт в России осуществляется в условиях по сути экстенсивного ведения хозяйства и в ущерб животноводству. Поэтому производство продукции животноводства за годы реформ упало на 1/3, а в Китае увеличилось в 4,2 раза.

За годы китайских рыночных реформ урожайность зерновых, хлопка, других основных культур возросла в 1,5—2,5 раза, в России этот рост не превышал 15—20%. За 1990—2012 гг. средняя урожайность зерновых в России с 19,5 ц/га снизилась до 18,3 ц/га, а в Китае прирост урожайности по зерновым превысил 20 ц/га. Соответственно за те же годы валовой сбор зерна в Китае увеличился почти в 1,7 раза, а в России он упал с 116,7 млн т до 70,9 млн т, то есть на 40%. В целом валовая продукция сельского хозяйства в России в сопоставимых ценах в 2012 г. составила 84,5% уровня 1990 г., то есть уменьшилась на 15,5%, тогда как в Китае она увеличилась в 2,1 раза.

Беспрецедентные результаты сельского развития Китая обусловлены сочетанием рыночных экономических отношений с целенаправленным государственным регулированием и массовой бюджетной поддержкой, стимулирующими рост производства кредитно-финансовой и налоговой системами. Решением Постоянной комиссии Всекитайского собрания народных представителей от 29.12.2005 в дополнение к действующей практике бесплатного пользования землей осуществлена полная отмена в стране сельскохозяйственного налога. Одновременно усиливается поддержка аграрных цен и увеличивается размер прямых бюджетных ассигнований на развитие сельского хозяйства, несмотря на ориентацию ВТО, членом которой является Китай, к сокращению таких ассигнований.

В этой связи важно отметить позицию китайских властей по вопросу о приоритете национальных интересов в процессе переговоров о вступлении страны в ВТО в отличие от прямо противоположной позиции России, «согласившейся» на дискриминационные условия присоединения к этой организации в части бюджетной поддержки сельского хозяйства. Переговоры о вступлении в ВТО китайское руководство вело почти 20 лет, добившись приемлемых условий и значительных льгот, которые позволили защитить внутренний (в первую очередь агропродовольственный) рынок и национальных товаропроизводителей от негативных последствий. В период подготовки к вступлению Китай активно и открыто отстаивал свои интересы (вплоть до приостановки переговоров), исходя из по-

литики аграрного протекционизма, кстати, успешно применявшейся странами Запада для защиты и развития национальных экономик. В итоге Китаю была «разрешена» господдержка в расчете на 1 га пахотных земель на уровне ЕС, США, многих других стран, то есть на порядок выше того уровня, на который «согласилась» Россия, взяв «повышенные» обязательства к 2018 г. *сократить* этот уровень вдвое, тем самым обрекая свое сельское хозяйство на банкротство.

По соглашению Китая с ВТО, совокупная поддержка сельского хозяйства с площадью посевных земель 155 млн га составляет около 140 млрд долл., тогда как для России возможности такой поддержки определены на уровне 9 млрд долл. (посевная площадь 78 млн га), то есть разница в 15 раз, а по фактическим размерам прямой господдержки на 1 га — в 29 раз. К этому надо добавить другие, в частности налоговые, меры поддержки китайских сельхозпроизводителей. В связи с отменой сельскохозяйственного налога доходы крестьян в 2006 г. по сравнению с 1999 г. возросли на 126 млрд юаней (около 20 млрд долл.). Главное же, вступив в ВТО, Китай не сокращает бюджетные ассигнования на сельское развитие, а увеличивает их. Так, за 2007—2008 гг. эти ассигнования только по центральному бюджету, не считая налоговых и прочих льгот и дотаций, увеличены на 46%, а в 2009 г. — на 21,5%, достигнув 725,3 млрд юаней, то есть продолжали расти вопреки построенным на умозрительных постулатах физиократов «установкам» ВТО.

Внутренние меры аграрного протекционизма дополняются внешнеэкономическими мерами, в частности таможенными тарифами. Если по соглашению с ВТО последние в среднем установлены на уровне 10% (для промышленных отраслей — 8,7%), то для защиты отечественных производителей продукции сельского хозяйства они составляют 15,2%. При этом в системе общих мер этой защиты данным соглашением Китаю «разрешено» широкое безадресное субсидирование отрасли с распределением средств по различным корзинам по собственному усмотрению в интересах отечественных товаропроизводителей.

В сферу агропродовольственной политики китайского руководства входят меры по стимулированию производства рыбной продукции, также имеющие протекционистскую направленность. В итоге за последние 10 лет среднегодовое увеличение этой продукции составило почти 20%, ее общий годовой объем превысил 4 трлн юаней (около 700 млрд долл.). Рыба и изделия из нее в рационе китайцев занимают все бóльшую долю. В начале реформ на душу населения приходилось 4,9 кг рыбной продукции, а сейчас этот показатель приближается к 50 кг против 20 кг в России в 1990 г. и 17,1 кг в 2012 г.

В Китае осуществляются крупные государственные меры по модернизации сельской социальной и инженерной инфраструк-

туры, что привело к серьезным сдвигам в преодолении различий между городом и деревней. Важную роль в этом процессе имеет агропромышленная кооперация и интеграция. Число предприятий, объединяющих на основе рыночных связей, «договоров-заказов» с семейными домохозяйствами производство, переработку, сбыт продукции, снабжение средствами производства, за годы реформ неуклонно растет. На этих предприятиях, в том числе производящих машины и оборудование для сельского хозяйства, сейчас занято более 130 млн человек, выпускается продукция на сумму свыше 500 млрд долл. [7].

Прогресс в социально-экономическом развитии сельского хозяйства закономерно ведет к снижению доли отрасли в численности занятых, соответственно в ВВП. Но структурные изменения в экономике Китая происходили при опережающем росте среднедушевых доходов сельского населения, абсолютном увеличении вклада отрасли в национальное богатство страны, следовательно, обеспечении общего социально-экономического прогресса. Стремительно возрастающий ресурсный потенциал государства, в свою очередь, позволяет мобилизовать значительные финансовые средства для активной бюджетной поддержки курса на дальнейшее социально-экономическое преобразование сельского хозяйства.

В китайской деревне сохраняются и благоустраиваются традиционные поселения, на карте страны нет заброшенных или «умирающих», как в России, сел и деревень, выпавших из оборота пахотных земель. У крестьян есть желание и стимулы трудиться в сельском хозяйстве. Все это — наглядное подтверждение полезности поэтапного проведения рыночных реформ, отстаивания национальных интересов во внешнеэкономических связях, обеспечения реального, а не декларативного приоритета сельского развития.

***

Самой серьезной ошибкой российских реформаторов конца 80-х — начала 90-х годов XX в., среди которых, к сожалению, не оказалось своего Дэн Сяопина, явилась попытка осуществить рыночные преобразования ускоренным, шоковым методом, чуть ли не за 500 дней. О пагубности спешки в земельном вопросе и проведения радикальных реформ вообще предупреждал еще С.Ю.Витте. Указывая на последствия предпринятых мер по наделению крестьян земель в ходе крестьянской реформы 1861 г., он отмечал, что осуществить эти меры на принципах социальной справедливости и экономической целесообразности — задача «бесконечной сложности», и здесь нельзя поддаваться соблазну «в этой сложной материи делать работу огульно, нежели детально, тогда как на деле «все было сделано спешно, наскоро».

Правовой старт аграрной реформы был дан Указом Президента России Б.Н.Ельцина «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» от 27.12.1991 с последующей конкретизацией этих мер в постановлении Правительства страны «О реорганизации колхозов и совхозов». Если в Китае земля (в натуре) передавалась крестьянам в аренду вначале сроком на 5 лет, чтобы убедиться в правильности этого решения, с последующим удлинением срока на 15 и более лет, то указанным постановлением практически через 2 мес (к весеннему севу 1992 г.) предписывалось предоставить землю бывшим колхозникам, рабочим совхозов, работникам социальной сферы села в собственность, однако не в натуре, а в форме условных долей.

И хотя монополия государства на землю в стране отменялась, а в новой Конституции РФ был закреплён приоритет частной собственности на нее, на деле землевладение физических лиц, крестьянских семей оказалось формальным, призрачным. Если китайский крестьянин, получив землю в долгосрочную аренду с правом ее продления по сути навечно, почувствовал себя подлинным хозяином, то российские крестьяне в большинстве остались без земли, замененной бумажными свидетельствами, этими по существу «журавлями в небе». Земельные участки в натуре получили лишь владельцы крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальные предприниматели. В структуре посевных площадей их доля составляла около 5%. Примерно 3,5% посевных площадей приходилось на приусадебные семейные хозяйства, владельцы которых являлись земельными собственниками с присущими частному владению высокими стимулами к использованию земли и более эффективному хозяйствованию на ней.

Ныне, располагая 4,3% посевных площадей, владельцы приусадебных семейных хозяйств (ПСХ, по недоразумению называемых «личными подсобными») производят, по данным за 2013 г., 41,1% валовой продукции сельского хозяйства, то есть на 22% больше, чем в 1990 г., поставляя на рынок все большую ее долю (17% против 6% до начала реформ). Сельхозорганизации (СХО), возникшие на базе реорганизованных колхозов и совхозов, акционерные общества (АО), производственные кооперативы с их во многом прежними колхозными порядками, государственные и прочие организации, имея в пользовании (в том числе арендуемых земельных долей, превращаемых в реальные земли сельхозназначения) 71,9% посевных площадей, произвели 48,7% валовой продукции, или на 29,2% меньше уровня 1990 г. Выход валовой продукции в расчете на 1 га посевных площадей в семейных хозяйствах — ПСХ, К(Ф)Х — в 3 раза выше, чем в СХО (члены которых остаются наемными работниками, формальными земельными собственниками или лишившимися даже бумажных долей).

При всех трудностях в сбыте продукции, материально-техническом оснащении, получении кредитов, тяжести налогообложения крестьянские (фермерские) хозяйства демонстрируют присущую им устойчивость, доказывают преимущества в уровне и эффективности производства, его интенсификации. За 2000—2013 гг. посевные площади владельцев К(Ф)Х возросли в 3 раза, а валовая продукция в сопоставимых ценах — в 5,4 раза. Более высокие результаты производства в индивидуальном хозяйстве обусловлены самостоятельностью предпринимателя. Ощущение человека полновластным хозяином на «своей» земле — мощная движущая сила творческого, высокопроизводительного труда. Отсюда *важнейшая функция государства — соблюдение и укрепление права частной собственности*, содействие единству, унификации фактической и юридической сторон этого права, тем самым самостоятельной, свободной предпринимательской деятельности первичных хозяйственных звеньев экономики [5].

С начала аграрной реформы в России прошло более 20 лет. Такого срока для того, чтобы земледелец стал настоящим хозяином на «своей» земле, судя по аналогичным преобразованиям в мировой практике, в том числе с использованием долгосрочной земельной аренды, вполне достаточно. Однако крестьяне в своей массе на 3/4 посевных площадей и более 80% земель сельхозназначения не обрели статуса хозяина, а потому не имеют стимулов к рациональному использованию земли и эффективному хозяйствованию на ней. Нормы действующего земельного законодательства, вся система государственного регулирования земельных отношений не содействуют такому использованию.

Значительная часть бумажных земельных долей арендуется, но часто на заведомо невыгодных условиях, или за бесценок покупается крупными СХО, агрофирмами, агрохолдингами, АО и т.д., в качестве реальных участков используется, по сути, на той же коллективной основе (и это относится не только к производственным кооперативам), с применением наемного труда. Между тем, известно, и это особенно подчеркивал А.В.Чаянов, что «коллективный труд обладает слабой организующей и предпринимательской волей» (Чаянов, 1925). Многие виртуальные земельные участки оказались вообще невостребованными (на 1.01.2012 около 23% общего числа земельных долей), а 40% пашни выбыло из оборота, тогда как в Китае каждый клочок земли находится в интенсивном использовании ее фактически хозяевами.

В рамках формальных, бессистемных мер по преобразованию отношений земельной собственности открылся широкий простор для разного рода злоупотреблений и коррупционных сделок с землей. В этих условиях при отсутствии уверенности в успешном ведении кре-

стьянского (фермерского) хозяйства подавляющее большинство бывших работников колхозов и совхозов, в том числе склонных к самостоятельному хозяйствованию на своем земельном участке, вынуждены фактически по найму работать в крупных СХО.

Вырученные за годы реформ миллиарды долларов от продажи земель сельхозназначения, особенно в пригородных зонах, идут в карман кому угодно, только не труженикам сельского хозяйства. Они же довольствуются жалкими остатками федерального и региональных бюджетов, в то время как на порядок больше отдают через механизм пресловутой «перекачки» средств в национальный доход, в пользу субъектов монопольного окружения села, включая государство.

Более 10 млн владельцев земельных долей, так и не увидевших конкретных наделов в натуре из-за отсутствия регистрационных свидетельств, землеустроительной документации, общей запутанности «земельного вопроса», не могут реализовать свои права собственников, получить кредиты и необходимую прямую целевую поддержку как сельхозпроизводители. Элементы явной анархии в земельных отношениях, произвольный перевод земель сельскохозяйственного назначения в другие категории, а главное, фактический отрыв непосредственных производителей от земли ведут к деградации пахотных земель [1].

Действующий с 2001 г. Земельный кодекс РФ, обросший обилием других законодательных и подзаконных актов и правил, ведомственных нормативов и «установок», не способствует становлению цивилизованной рыночной системы аграрных отношений с ее основополагающим принципом: земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Параллельно действуют относящиеся к проблеме землепользования и землевладения нормы Гражданского, Семейного и Лесного кодексов, а также стоящий на пути настоящего кооперативного движения на селе ущербный по своей сущности Федеральный закон 1995 г. «О сельскохозяйственной кооперации» с его колхозной начинкой и надуманным понятием «коопхоз», о существовании которого люди даже на селе не имеют понятия. Все это является правовой «крышей» для землеустроительного и прочего чиновничества, руководителей агрохолдингов, агрофирм и т.д., позволяющей решать земельные дела по усмотрению и, естественно, для своей выгоды. Многие считают, что закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002 г.) в какой-то мере устраняет противоречия и явные парадоксы необъятного земельного и общего аграрного законодательства. Но соответствующие правовые и подзаконные акты, в том числе изобретения законодателей субъектов Федерации, продолжают действовать и предлагают свои «решения» земельного вопроса.

Среди причин, усиливающих различия в продуктивности и эффективности сельхозпроизводства в России и Китае, — масштабы и механизмы государственной протекционистской поддержки и в целом «качество» аграрной политики. Между тем, именно активная бюджетная поддержка играет особую роль в проведении действительной модернизации и повышении конкурентоспособности отрасли, ее возможностей на мировом агропродовольственном рынке. Судя по эйфории в отношении весьма скромных показателей продовольственного экспорта, власти не хотят задуматься над тем, к каким последствиям приведет перекрытие по тем или иным причинам зарубежных поставок продовольствия в Россию, превышающих 1/3 общего потребления в стране продуктов питания. Тут уже будет не до экспорта того же зерна, поскольку объемы импорта продовольствия сейчас практически сопоставимы с объемом всей товарной продукции сельского хозяйства в закупочных ценах, и такое перекрытие может более чем на половину сократить потребление продовольствия в городах страны.

Что на деле представляет собой страна как импортер сельскохозяйственной продукции, каковы критерии этого статуса? Прежде всего, это полное обеспечение населения страны основными видами продовольствия, а животноводства необходимыми кормами с соответствующим зерновым компонентом. Важный критерий продовольственной державы — экспорт (сверх внутренних потребностей по соответствующим нормам) животноводческой продукции. Таковой Россия стала в результате столыпинской аграрной реформы, за пять лет активного проведения которой (1908—1913 гг.) валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в 1,3 раза (за те же пять лет нынешних реформ в России ее объем упал на 40% и до сих пор не вышел на дореформенный уровень). За те же годы в России за счет повышения урожайности зерновых стало производиться зерна почти на 1/4 больше, чем в США, Канаде и Аргентине вместе взятых, причем зерновой экспорт возрос в 2 раза при возросшем удовлетворении внутренних потребностей в хлебопродуктах и зернофураже для животноводства. Это, в свою очередь, повысило экспортные возможности отрасли, особенно молочного скотоводства. Только экспорт непревзойденного по качеству сибирского масла давал стране золота в 2 раза больше, чем вся золотопромышленность края.

Власти полагают, что встречные санкции на импорт продовольствия в Россию из ряда стран Запада изменят положение в сельском хозяйстве и на продовольственном рынке к лучшему. Однако такое улучшение возможно только при активной, как, например, в Китае в расчете на 1 га пашни, государственной поддержке отрасли, на которую, судя по намерениям властей ограничиться символическими подачками, крестьяне не могут рассчитывать. В то же время введение

санкций, замена поставщиков из соседних стран Прибалтики, Польши, Германии и т.д. на чилийских, аргентинских, южноафриканских и т.д., связанные с этим неопределенность, дополнительные затраты на доставку, толкнут участников рынка на упреждающие акции по повышению розничных цен на соответствующие виды продовольствия, какими бы карами, а тем более административными запретами власти им ни угрожали.

Сейчас из России экспортируется в среднем до 11—14 млн т зерна в год, в то же время в огромных объемах закупается животноводческая продукция (по данным за 2013 г. — 18 млн т), в том числе мороженое мясо — 1285 тыс. т, мясо птицы — 523 тыс. т, рыба — 775 тыс. т, молоко и сливки сгущенные — 214 тыс. т, масло сливочное и прочие молочные жиры — 135 тыс. т. Кроме того, в 2013 г. было импортировано 447 тыс. т картофеля, 853 тыс. т томатов, 1384 тыс. т яблок, 241 тыс. т фруктовых и овощных соков и т.д., всего на 43,1 млрд долл., то есть в 6 раз больше, чем в 2000 г. Без поддержки остается кормовая база отрасли, хотя доля зерновых в площади посевов выросла за годы реформ с 54 до 60%. Всего в 2013 г. было заготовлено 14710 тыс. т кормов (в усл. ед.) против 75508 тыс. т в 1990 г. Отсюда провал в животноводстве.

Такие экспортно-импортные диспропорции, дополняемые спонтанными, поспешными переменами внешних поставщиков продовольствия, не дают оснований для эйфории по поводу экспорта зерна. Страна уже имела горький опыт такого экспорта в начале 30-х годов, когда не только животные, но и сами крестьяне оставались на голодном пайке или просто погибали от голода. Выступая с отчетным докладом на XVII съезде ВКП(б), Сталин иллюстрировал этот «подъем» сельского хозяйства в 1929—1933 гг. такими данными: поголовье лошадей сократилось на 51,2%, крупного рогатого скота на 43,3, поголовье овец — на 65,6%. Нынешние реформаторские «достижения» с 1990 по 2013 г. по масштабам провала не уступают: поголовье крупного рогатого скота сократилось с 57 млн до 19,5 млн, число коров с 20,5 млн до 8,6 млн, свиней — с 38,3 млн до 19,2 млн, овец и коз — с 58,2 млн до 23,8 млн, птицы с 660 млн до 292,5 млн. При этом абсолютные размеры сокращения и падения доли поголовья скота приходятся целиком на крупные СХО. В результате общее производство продукции животноводства в сопоставимых ценах упало на 33,6%, в том числе молока — на 47%, тогда как производство соответствующей продукции в Китае за годы реформ увеличилось в 4 раза с лишним.

***

Различные результаты аграрных реформ в Китае и России связаны с разным пониманием властями роли и практическим использо-

ванием протекционистской составляющей аграрной политики, конкретными мерами, масштабами и механизмами бюджетной поддержки сельского хозяйства государством. В России в виде остаточных крох бюджета через субсидии и дотации селу возвращается немногим более 1/10 перекаченных из него средств. Но добрую их половину тут же через необоснованное налогообложение (при фактической, рассчитанной по сопоставимой со средним уровнем оплаты труда сельского хозяйства убыточности отрасли) государство забирает назад, оставляя крестьянство с беспрецедентной (более 2 трлн руб.) кредиторской задолженностью, то есть в состоянии банкротства. Прямо противоположные тенденции и соотношения соответствующих показателей в Китае.

Пропасть в усилиях государства по улучшению социально-экономического положения в деревне двух стран еще масштабнее, если учесть, что при растущих доходах китайские крестьяне по существу освобождены от налогов, а в России при огромных и растущих долгах они несут непосильное налоговое бремя.

Аграрную политику можно считать научно обоснованной, если заложенные в ней законодательно закрепленные целеустановки государства исходят из объективных закономерностей развития аграрных отношений и направлены на решение задач обеспечения занятым в сельском хозяйстве необходимых для поддержания прочной продовольственной безопасности страны и ее статуса как мировой продовольственной державы экономических и социальных условий и стимулов высокоэффективной трудовой деятельности [1]. Степень научной обоснованности, следовательно, эффективности этой политики тем выше, чем полнее учитывается в ней базовый статус, особая роль и многофункциональная отраслевая специфика сельского хозяйства, определяющие общественную необходимость его приоритетной государственной поддержки. Такую обоснованность, судя по результатам социально-экономического развития сельского хозяйства, демонстрируют Китай, развитые страны. К использованию опыта этих стран в статье «О наших экономических задачах» (Ведомости, 31.04.2012) призвал Президент РФ В.В. Путин.

Однако власти России ограничиваются в основном декларациями в отношении возрождения и модернизации сельского хозяйства. Подтверждением этому служит принятый в 2005 г. национальный приоритетный проект «Развитие АПК», ничего существенно не изменивший в социально-экономическом положении деревни. Зато импорт продовольствия за годы реализации проекта удвоился. Главную причину всего этого объяснил сам Президент: «недопустимо малое» бюджетное финансирование. С тех пор прошло почти 10 лет, но «недопустимо малое» финансирование, отсутствие действенной

господдержки села остается свидетельством социально-экономической ущербности аграрной политики. На совместном заседании Госсовета и Совета по нацпроектам и демографической политике 21.04.2013 В.В.Путин, отметив некоторые подвижки, которые в основном касаются новых маячков, создаваемых для престижа местных властей и показа высокому начальству, особое внимание обратил на то, что «во многих местах» (на самом деле на основной части обширной сельскохозяйственной территории, особенно Центра страны, Северо-Запада, Северо-Востока, Урала, Сибири, других регионов) «жизнь словно остановилась, замерла», что «значительная часть (а это в основном молодежь) сельских жителей бежит из деревни из-за мизерной оплаты труда, отсутствия работы, нормального жилья, бездорожья, неустроенного быта и т.д., «общей невосребованности». На этом фоне утверждение Д.А. Медведева на этом же заседании, что Правительству за нынешнее положение дел в деревне «не стыдно», звучит крайне неубедительно.

Бедственное положение российского села — прямое следствие не только декларативности установок в этой области, но и отсутствия контроля и опеки, эпизодичности обращения властей к аграрной тематике, формальных отчетов. Необходима не корректировка или «совершенствование» проводимой аграрной политики, а ее радикальное обновление (И. Буздалов, 2009) или «разработка новой актуализированной аграрной политики, новой экономической модели функционирования АПК» [8].

Ограниченность ресурсов, в том числе финансовых, характерна для всех стран. Но те из них, которые достигают прогресса в сельском развитии и в периоды кризиса, стагнации, и в годы подъема экономики, неизменно формируют структуру бюджета в соответствии с принципом приоритетной поддержки села и общего сбалансированного социально-экономического развития, создающими возможность системной модернизации сельского и всего народного хозяйства. В «союзной» с Россией Республике Беларусь доля аграрного бюджета превышает 10%, а в странах ЕС — около 40% против 1,4% в России (в дореформенный период в СССР, даже в условиях масштабных затрат на вооружение, «братскую» помощь, космос и т.д., эта доля достигала 15%, в современном Китае — около 7,5%).

Нынешняя российская экономическая политика «стимулирует» инфляцию, обесценивание рубля, инициирует повышение бремени налогообложения, порождает запредельный дисбаланс в бюджетных расходах и общей народнохозяйственной структуре экономики со всеми негативными социально-экономическими последствиями для сельского хозяйства и всей страны, заведомо лишаящими ее конкурентных преимуществ. Отрасль, да и вся российская экономика, балансирующая на подпорках цен на энергоносители, при такой

политике остается малопривлекательной для зарубежных инвесторов, а отечественный капитал десятками миллиардов долларов в годовом исчислении стремительно бежит из страны.

Во внешней политике лучше и разумнее оказывать необходимую помощь в первую очередь своему многострадальному крестьянству. «России, — писал Ф.М. Достоевский, — нужно всегда «быть готовой к тому, что эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными» (Ф.М. Достоевский. Одно совсем особое словцо о славянах. — Слово. — 1991. — № 12). Примеры такого заражения более чем наглядные, начиная с братской Болгарии. Да и Украину, сколько бы ей не помогать, «силой не удержать» (В. Вернадский, 1929 г.). И второе пророческое предупреждение Достоевского грядущим поколениям россиян (во избежание тех же санкций и прочих неприятностей): «Но да сохранит Бог Россию от стремлений расширять за счет славян свою территорию, присоединять их к себе, наделать из их земель губерний и проч.» (Там же).

Преодолеть кризис возможно. Но исходить из призрачной конструкции «особого пути России», которую, согласно поэтической формуле, «умом не понять» и в которую надо «только верить», и втискивать в эту конструкцию реальную политику — путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и страны в целом, постигший и «неделимую» царскую Россию, и «нерушимый» Советский Союз.

Версия «особого российского пути» была и остается удобной властям ширмой для навязывания стране в ее внутренней, да и внешней политике разного рода надуманных «исторических» решений, «крутых» поворотов и переворотов, «великих переломов», амбициозных «прорывных» проектов и прочих «приоритетных» увлечений и прихотей. Когда же обнаруживается их абсурдность, разрушительность, все легко свалить на «загадочность» русской души, «перегибы», «культ личности» и т.д., включая «происки Запада», а в прикладном плане — на стрелочников-исполнителей. Из истории известна разорительность для села и крестьянства насильственной коллективизации, «ножниц цен», чрезвычайщины, той же «перекачки» средств из сельского хозяйства, причем для оправдания последней под нее подводилась теоретическая база так называемого «закона первоначального социалистического накопления».

Сейчас бремя перекачки, масштабы ценового диспаритета снижены, но негативные последствия фискальных акций, всей совокупности непродуманных преобразований в сельском хозяйстве сохраняются, порождая и усиливая проявления системного аграрного кризиса. Отсюда альтернатива: или извлечь из всего этого уроки и, опираясь на проверенные в мире базовые положения аграрной тео-

рии, изменить политику, придать ей необходимую протекционистскую направленность, или продолжать безоглядно экспериментировать и надеяться, что все последствия и провалы можно будет списать на погрешности «особого российского пути». Пока предпочтение отдается последнему. Упорное стремление ответственных представителей нынешней высшей российской власти к реанимации этой умозрительной абстракции, под прикрытием которой культивируются волевые решения, в данном случае в аграрной политике, — наглядное подтверждение их нежелания или неспособности осуществлять эту политику на прочной, проверенной мировым опытом, научной основе.

Литература

1. Буздалов И. Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. — М.: ВСТИСП, 2013.
2. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. — М.: Мысль, 1991.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. — М.: Политиздат, 1989.
4. Дэн Сяопин. Статьи и выступления / Пер. с кит. — М.: Паляя, 1997.
5. Ильин И. А. За национальную Россию // Слово. — 1991. — № 8.
6. Линь Цфу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономические реформы / Пер. с кит. — М.: ИДВ РАН, 2001.
7. Самедзаде З. Китай в глобальной экономике. — Стокгольм: SACC Press (R), 2010.
8. Ушачев И. Г. Социально-экономические исследования в аграрном секторе экономики России: основные направления // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2014. — № 4.
9. Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. — Изд. 4-е. — М.: Кооперативное издательство, 1925.

РЕЗЮМЕ. Представлен сравнительный анализ характера и последствий аграрных преобразований в Китае и России за последние десятилетия. Показано, что, в отличие от Китая, сельское хозяйство России продолжает оставаться в состоянии глубокого системного кризиса, создающего серьезную угрозу продовольственной и общей национальной безопасности государства. Обосновываются пути выхода из этого кризиса. Особое внимание уделяется использованию китайского и широкого зарубежного опыта по обеспечению приоритета сельского развития, необходимым для этого изменениям в аграрной политике, системе государственного регулирования и управления сельскохозяйственным производством.

ABSTRACT. Comparative analyzing the nature and consequences of agrarian transformations in China and Russia for recent decades has been presented, demonstrating that, different from China, the agriculture of Russia continues remaining in the state of deep systemic crisis, which creates the serious threat to food and general national security of the state. The way out from that crisis is substantiated. Special attention is attached to using Chinese and wide foreign experience in providing for the priority of rural development, changes, required for that, in agrarian policy, system of state regulation and management of agricultural production.